

М. М. ШОЛЬСОН

О первом переводе „Слова о полку Игореве“ на польский язык¹

1

«Слово о полку Игореве» с первого момента привлекло к себе пристальное внимание общественности не только в России, но и за ее пределами. Однако среди множества трудов о «Слове» один вопрос остается недостаточно изученным. Это вопрос об истории создания переводов «Слова о полку Игореве» на славянские языки и, в частности, на польский язык.

В 1930 году чешский ученый Богумил Выдра написал обстоятельную статью о польских и чешских переводах «Слова».² Однако эта статья, так же как и ценное исследование польской ученой Антонины Обрембской-Яблонской,³ далеко не исчерпывают вопроса о переводах «Слова о полку Игореве» на польский язык.

Предметом этой статьи является первый польский перевод «Слова о полку Игореве», принадлежащий перу Циприяна Гобебского (1765—1809).

В школе Ц. Гобебский получил классическое образование. Хорошее знание античной литературы, любовь к поэзии сочетались у Гобебского с высокими гражданскими идеалами. Глубоко переживал Ц. Гобебский второй раздел польского государства (1793 год). Он всей душой желал участвовать в восстании Тадеуша Костюшко 1794 года, однако ему не удалось добраться до районов, захваченных повстанческим движением.

После третьего раздела Польши (1795 год) Гобебский активно участвует в организации на территории Польши групп патриотов, желающих вступить в легионы, образовавшиеся по договоренности Яна-Генрика Домбровского с французским правительством.⁴ Пробравшись в Италию,

¹ Во время подготовки этой статьи к печати в Одессе, 6 июня 1955 года, трагически погиб ее автор, Менаше Михайлович Шольсон — молодой, талантливый исследователь М. М. Шольсон родился 8 июня 1919 года в семье учителя в городе Красноставе (Польша). С 1939 года Шольсон жил в Советском Союзе. В древнерусской литературе внимание его преимущественно привлекало «Слово о полку Игореве». (Ред.).

² B. V y d r a. «Słowo o p l i k u I g o r o v é», jeho ohlasy a vlivy v literatuře polské a české. «Bratislava», t. IV, 1930, стр. 528—579.

³ Słowo o wyprawie Igora. W opracowaniu Antoniny Obremskiej-Jabłońskiej. Warszawa, 1954, стр. 64—98.

⁴ Легионы Домбровского ставили своей целью национально-освободительную борьбу за независимость Польши. Они были включены в состав французской армии, которой выгодно было таким образом подрывать силы коалиции. Польские добровольческие отряды-легионы носили польские мундиры, французскую трехцветную кокарду и наплечники с надписью «Свободные люди — братья».

Годобский участвует в военных походах легионов и одновременно в культурной работе среди легионеров. Он является редактором журнала «Декада». Годобский храбро сражался. Он был всегда в первых рядах легионов, которые прославились в боях. Он видел, как гибли замечательные патриоты, завещая живущим стоять за родину, сам неоднократно был ранен в сражениях. Тем больше, естественно, было его разочарование, когда Наполеон I, заключая Люневильский договор, выгодный для Франции, обязался впредь не поддерживать никаких польских стремлений. Отправка Наполеоном остатков легионов (6000 человек) на остров Гаити (Сан Доминго), где почти все легионеры погибли, показала, как несовместима борьба за свободу со служением захватнической политике другого государства. Годобский хорошо понял, что польские легионы напрасно проливали свою кровь за чуждые им интересы.

Сразу же после Люневильского договора, в 1802 году, Годобский с большой группой польских легионеров вернулся на родину. Пребывание в легионах, встречи и беседы с передовыми людьми французской армии, носителями революционных идей, воздействовали на формирование республиканских и демократических взглядов Ц. Годобского. Это сказалось на характере его деятельности и творчества. Годобский в Варшаве работал учителем, а вскоре стал издавать вместе со своим другом и однополчанином Ксаверием Коссецким литературный журнал «Приятные и полезные развлечения». ¹ В этом журнале он часто печатал переводы произведений русской литературы и статьи о них. В эти годы Годобский примыкает к «Обществу любителей науки», ² которое объединяло крупнейших представителей польской науки и культуры. Оно ставило своей целью сохранение польской народности, после того как Польша потеряла свою независимость. Видные ученые — члены Общества занимались изучением польской истории и языка. Огромную работу по созданию словаря польского языка проделал Самуэль Богумил Линде. В связи с работой ученых над историей Польши и особенно с подготовкой словаря Линде среди членов Общества усилился интерес к славянской и, в частности, к русской и древнерусской литературе. Ц. Годобский выполнял поручения Общества, которого он был действительным членом. Так, он был включен в комиссию для составления истории Польши. Обращение Годобского к материалам русской литературы в его журнале было связано с этой линией деятельности Общества. Например, на одном из заседаний 1805 года председательствующий Альбертранди говорил о том, что «большую помощь для этого (т. е. для усовершенствования родного языка) мы найдем как в церковных книгах, употребляемых в наших странах русским духовенством, так и во множестве других книг, которыми славятся наши соседи россияне». Он же указывал, что следует отбирать материал для словаря польского языка «из книг, словарей, грамматик славянских, иллирийских, кроацких, далмацких, рагузинских, чешских и русских». ³

Подобные призывы звучали в Обществе и раньше. Так, например, на заседании 5 декабря 1803 года, на котором вернувшийся из Петербурга Людвиг Плятер сообщил о согласии Г. Р. Державина стать чле-

¹ Журнал «Приятные и полезные развлечения» («Zabawy przyjemne i pozyteczne») издавался в Польше еще с 1770 года, и обычно в нем помещались лучшие произведения отечественной литературы и переводы иностранной.

² Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Почетными членами общества были также видные европейские ученые и писатели, в частности Г. Р. Державин (с 1802 по 1816 год).

³ A. L. Kraushaar. Towarzystwo Warszawskie przyjaciół nauk, ks. I, 1900, стр. 374—375.

ном Общества, епископ Коссаковский в своем выступлении говорил о тесной связи славянских языков и о той «нити солидарности, которая должна связывать польский народ с другими славянскими народами».¹

Не случайно поэтому в 1804 году Гodeбский поместил в своем журнале «Приятные и полезные развлечения» заметку о «Слове», а в 1806 году напечатал обширную статью о русской литературе, часть которой была посвящена «Слову о полку Игореве». Это был неполный перевод «Слова» стихами и прозой, иногда переходящий в пересказ содержания, и рассуждения об этом выдающемся памятнике древнерусской литературы. Кроме того, он написал большое стихотворение на тему «Плача Ярославны».

На это же время приходится наибольшая популярность Гodeбского как писателя, смело высказавшего в повести «Гренадер-философ» («Grenadier-filozof», 1805) и в «Стихах легионам» («Wiersz do Legiów Polskich», 1805) горькую правду о героической и вместе с тем трагической эпопее польских легионов. Впоследствии она нашла художественное раскрытие в эпопее Стефана Жеромского «Пепелища».

Говоря о победах польского оружия, Гodeбский напоминал о позорном для легионов участии в порабощении других народов. Поэт говорил о разочаровании, постигшем легионеров, надеявшихся на помощь со стороны Франции.

Поэт и воин, Ц. Гodeбский пал смертью храбрых во время битвы под Рашином в 1809 году, защищая Великое герцогство Варшавское во время внезапного вторжения австрийских войск.

2

До последнего времени перевод Ц. Гodeбского недооценивался в литературоведении. Основная причина недооценки этого перевода заключается в том, что его изучали вне связи с жизнью и поэтической деятельностью Гodeбского и тем самым вне условий и времени создания этого перевода.

Чтобы правильно оценить перевод «Слова о полку Игореве» Гodeбского, необходимо выяснить облик Гodeбского как поэта и определить место перевода «Слова» в поэтической биографии польского поэта.

Оценивая творчество Гodeбского, Адам Мицкевич писал: «В ту пору выступила другая группа поэтов — военные поэты, поэты легионов. Несмотря на несовершенство формы, их стихи имели успех и получили широкое распространение среди народа. Наиболее известны из этих поэтов: Гodeбский, Реклевский, Горецкий... Отличительная черта их поэзии — это прежде всего правдивость, умение найти точное слово. Они первые отказываются от перифразы: они уже не называют ружья „смертоносным дулом“, а полкового священника — „левитом“. Они называют вещи их именами. Солдаты пели песни, сочиненные ими, офицеры читали их стихи, народ их любил. Профессиональные же литераторы Варшавы и Вильно не придавали значения их творчеству, они даже не относили их к числу современных писателей».²

А. Мицкевич глубоко вскрыл значение творчества Ц. Гodeбского. Однако, несмотря на это, в польском литературоведении долго замалчивали демократический характер творчества этого писателя.

Говоря о поэзии легионов, обычно ставили на первое место Козьмяна, Венжика, Осинского и только отчасти касались поэзии Гodeбского.

¹ А. Л. Краушаг, ук. соч., стр. 250.

² А. Мицкевич, Собр. соч. в 5 томах, М., 1954, т. 4, стр. 372

Исполненные страсти и жизненной правды произведения Гоебского были выхолены критикой, игнорировавшей ее новаторское содержание. Польский историк литературы Станислав Бачинский писал о Гоебском: «Важен в его произведениях прежде всего проблеск стремления к идеализации прошлого польского народа».¹

Только в настоящее время, в новой демократической Польше, началось серьезное изучение наследия поэта-воина, посвятившего свое творчество родине и народу.

Все творчество Ц. Гоебского свидетельствует о том, что это был настоящий гуманист. Вполне понятно, что знакомство с таким замечательным произведением, как «Слово о полку Игореве», не могло не оставить глубокого следа в творческом сознании Гоебского. Это особенно сказалося в созданной им на тему «Плача Ярославны» небольшой поэме «Плач Евфросинии Ярославны по мужу своему Игорю» («Żal Eufrozyny Jarosławny po mężu swoim Igorze»). В творческом восприятии Гоебского «Плач Ярославны» переключался со страданиями женщины-польки, годами напрасно ожидавшей весточки от мужа, ушедшего в далекий поход ради спасения отчизны.

«Слово о полку Игореве» всем своим содержанием напоминало ему о недавней трагедии польских легионов.

Это заставляет нас подойти к самому переводу «Слова о полку Игореве» Гоебского с несколько другой меркой, чем обычно. Судя по его работе над «Плачем Ярославны», а также учитывая наличие в переводе «Слова» лексик, характерной для поэзии польских легионов, мы можем заключить о своеобразном преломлении «Слова» в творческом сознании Ц. Гоебского. Трагическая судьба легионов, совершивших патриотический подвиг и пострадавших так жестоко, сочеталась в сознании поэта с печальным исходом патриотического предприятия Игоря Святославича. Все содержание «Слова», вся художественная система его образов глубоко проникали в поэтическое сознание Гоебского. С другой стороны, сам перевод «Слова» насыщался чертами современности, чувствами польского патриота, участника походов. В этом отношении перевод Гоебского становится не только фактом узколитературного значения, большего или меньшего приближения к тексту, но и общественным и культурным явлением, весьма актуальным.

3

До последнего времени в русской литературе по «Слову о полку Игореве» перевод Гоебского относят к 1821 г. В двух библиографических указателях, составленных в Москве и Ленинграде в 1940 году, а также во всех списках литературы и ссылок на Гоебского, в частности в статье С. С. Советова в X томе «Трудов ОДРЛ» (1954), перевод отнесен к 1821 году. Между тем в польской и чешской литературе уже давно известно, что Гоебский, погибший в 1809 году, работал над переводом «Слова» в 1804—1806 годах и тогда же опубликовал его совместно с критической статьей о произведении.

Самое раннее упоминание о «Слове» в Польше относится к 1804 году и принадлежит перу Циприяна Гоебского, который поместил его в III томе журнала «Приятные и полезные развлечения». Обрембска-Яблонска считает, что Гоебский написал свою заметку, пользуясь каким-то немецким источником, почерпнувшим сведения о «Слове» из заметки Н. М. Карам-

¹ St. Baczyski. Literatura piękna Polski poroźbiorowej. Lwów—Poznań, 1924, стр. 7.

зина в «Le Spectateur du Nord». В заметке Гodeбского мы читаем: «Мы не можем умолчать о знаменитой песне Игоря графа Алексея Ивановича Мусин-Пушкина, найденной им в старинной рукописи и которую известное периодическое издание „Le Spectateur du Nord“ сравнивает с прекраснейшими песнями Оссиана».¹

Спустя два года, Гodeбский помещает в V томе журнала «Приятные и полезные развлечения» обширную статью «Об иностранной литературе», значительная часть которой посвящена «Слову о полку Игоре» и частичному переводу его на польский язык.²

Таким образом, следует уточнить, что первый перевод «Слова» был напечатан на 15 лет раньше, чем считали до сих пор в русской литературе по «Слову о полку Игоре».

Что касается издания собрания сочинений Гodeбского³ в 1821 году, то оно было подготовлено к печати сыном поэта Ксаверием Гodeбским, сотрудником библиотеки Оссолинских и впоследствии одним из издателей «Трибуны народов», социалистической и революционной газеты А. Мицкевича в Париже.

4

Циприан Гodeбский не оставил никаких указаний, каким текстом он пользовался в своей работе над «Словом о полку Игоре». На протяжении более 100 лет вопрос об источнике перевода Гodeбского оставался спорным. Неясность в этом вопросе мешала до сих пор надлежащим образом оценить работу Гodeбского.

Источником перевода Гodeбского интересовались почти все польские писатели и критики, занимавшиеся «Словом». Мнения разделились. Большая часть писателей, критиков, историков считала, что Гodeбский делал свой перевод на основе французского перевода. Другие считали, что у Гodeбского был немецкий текст, третьи полагают, что Гodeбский пользовался русским источником (М. Кридль и Б. Выдра).

Мнение, что Гodeбский переводил из французского перевода, основывалось на том, что Гodeбский упоминает журнал «Le Spectateur du Nord». Однако, как известно первым французским переводом «Слова» был перевод Бланшара (Blanchard) 1823 г. Таким образом, версия о французском источнике перевода Гodeбского не оправдывает себя.

Свое мнение о немецком источнике «Слова о полку Игоре» А. Обрембска-Яблонска основывает на анализе различия между двумя принципами транскрипции славянских собственных имен, применяемых в Польше в то время. Она пришла к выводу, что в переводе Гodeбского все славянские имена собственные даны в так называемой «западной манере», принятой в немецких переводах славянских текстов. Так, например, Гodeбский пишет «Jzeslaw», «Swetoslaw», он употребляет также такие обороты, как «Swetoslaw z Rylska», «Jaroslawie z Halicza», явно взятые из немецкого текста, где вместо славянского окончания «-ский», «-цкий», свойственного также и польскому языку, употребляется предлог *z*. Если бы Гodeбский переводил из русского источника, то он писал бы Jaroslaw Halicki и т. п. Однако в статье отсутствует окончательное мнение относительно источника, которым пользовался Гodeбский.

¹ Zabawy przyjemnie i pożyteczne, III (1804), стр. 38.

² Там же, V (1806), стр. 72—102.

³ Cyprian Godebski. Dzieła wierszem i prozą. Warszawa, 1821, стр. 308—323. — «Wyprawa Jgora przeciw Polowcom», стр. 323—330 («Zal Eufrozyny Jaroslawny po męzu swoim Jgorze»).

Каким же источником пользовался Гобебский? Путем сличения текстов нами установлено, что Гобебский пользовался немецким переводом И. Рихтера, напечатанным в журнале «Russische Miszellen» № 3 за 1803 год.

Рихтер, живший в то время в Москве, создавал свой перевод на основе первого русского издания «Слова» 1800 года. Он переводил с русского перевода, обращаясь все же в ряде случаев, вызывавших у него сомнение, к древнерусскому тексту, стремясь сохранить основной смысл оригинала (иногда он ссылается на мнение своих ученых друзей, повидимому русских). Обращение Гобебского к переводу Рихтера, по нашему мнению, позволило ему в достаточной мере вникнуть в основной смысл «Слова». В своем переводе Гобебский следует за переводом Рихтера. Уже сличение предисловия к изданию 1800 года в польском и немецком переводах дает возможность убедиться, что Гобебский переводил из Рихтера.

Обратимся к началу текста «Слова о полку Игореве». Приведем здесь только польский и немецкий тексты:

Lasset uns, Brüder, die traurige Erzählung von Jgors Zuge gegen die Polowzer in der Sprache der Vorzeit beginnen!

Aber einfach und wahr, nicht geschmückt mit Bildern, wie die Gesänge des klugen Bojana, der sich in seinen Liedern zum Rhume der Helden, bald auf die Gipfel der Bäume schwingt, bald gleich einem grauen Wolfe auf der Erde hinschießt, bald wie ein blauer Adler über die Wolken fliegt.

Pozwólcie nam, rzeczcie, bracia, smutną powieść o wyprawie Jgora zacząć w języku starożytnych czasów!

Lecz to proste i rzetelne pienie nie będzie ozdobre obrazami, jak są piesni mądrego Bojana, który głosząc sławę rycerzy raz na wierzchołki wznosi drzewa, drugi raz, podobny straszemu wilkowi, po ziemi się snuje, znowu, nakształt górnołotnych orłów, ponad obłoki się wzbija.

Отметим, что вместо «Не лепо ли» — «Приятно нам» Рихтер перевел «Разрешите нам», повидимому, не соглашаясь с переводом 1800 года (против выражения «Приятно нам» выступил в 1805 году Шишков). Сравнивая два перевода, мы легко увидим, что и начало и конец фразы (выражение «в языке древних времен») у Гобебского совпадают с переводом Рихтера. В следующем предложении Рихтер, переводя, как бы расшифровывает смысл выражений «по былинам сего времени, а не по замыслению Бояню», которые в русском переводе 1800 г. звучали так: «по бытиям того времени, а не по вымыслам Бояновым». Он перенес их в состав следующего предложения, где говорится о поэтических приемах Бояна, и перевел так: «но просто и правдиво, не украшено картинами, как песни мудрого Бояна». Думается, что смысла он не исказил в своем, может быть, в данном месте слишком пространном переводе. Гобебский перевел это место точно так же. Добавим еще, что в указанном отрывке Гобебский, вслед за Рихтером, раскрывает смысл слова «еще кому хотяше песнь творити» — «хотел прославлять кого» переводит с дополнением: «в песнях во славу героев» и, наконец, вместо слова «под облакы» — «под облаками» дает за Рихтером «над облаками».

Начало следующего предложения Рихтер перевел не так, как в издании 1800 г. Вместо «Памятно нам по древним преданиям, что, поведавая (?) о каком-либо сражении, применяли (?) оное к десяти соколам», он перевел так: «Из древних сказаний нам известно, что певцы старых времен, каждую битву, которую они воспевали, приравнивали к соколиной охоте». Гобебский тоже включает сюда мотив о древних певцах, пользовавшихся таким поэтическим приемом. Чтобы убедиться в этом, сравним польский перевод с немецким.

Aus alten Sagen wissen wir daß die Säng-
ger der Vorzeit jede Schlacht, die
sie besangen, mit einer Falkenjagd verglie-
chen: zehn Falken wurden auf einen
Schwanenzug losgelassen.

Wiemy z dawnych powieści, że śpiewaki
każdą przez nich opiewaną bitwę, porówny-
wali do jastrzębich łowów: Dziesięć rzecz-
nych ptaków puszczano na jednego la-
będzia.

Сравнение показывает, что и по содержанию и даже по форме польский перевод совпадает с немецким. Различие двух переводов незначительное. Оно замечается только в двух словах. Вместо «древние певцы» Годабский пишет просто «певцы», повидимому, не желая повторять слово «древний», которое было уже употреблено вместе со словом «сказания». Кроме того, Рихтер пишет «на стадо лебедей», а Годабский переводил «на одного лебедя»; повидимому, он представлял эту охоту несколько иначе. Во всем остальном перевод дан почти дословно.

Следующий абзац «Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря» Годабский сопровождает критическим замечанием. Ему кажется, что автор что-то пропустил, ибо обещал рассказать в своей повести про старого Владимира и ничего о нем не сказал, приступив сразу к рассказу об Игоре. Он указывает, что эта «ошибка» была замечена иностранным издателем «Слова о полку Игореве» на немецком языке. Как раз это замечание является одним из веских доказательств, что Годабский пользовался переводом Рихтера. Абзац в переводе Рихтера сопровождается подстрочным примечанием следующего содержания: «Здесь, кажется, чего-то не хватает, так как следующий абзац начинается прямо с похода Игоря против половцев, и совершенно ничего не сказано о старом Владимире».¹

Для завершения сравнения текстов обратимся к отрывку, переведенному Годабским стихами. В издании 1800 года этот перевод таков: «О кровные мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали воевать землю Половдкую, а себе славы искать. Нечестно ваше одоление, не праведно пролита вами кровь неприятельская». Стремясь к точности, переводчики издания 1800 г. несколько неправильно раскрыли смысл слов Святослава. На этот факт, кстати, обратил внимание А. Шишков в своих «Примечаниях на древнее сочинение, называемое „Ироическая песнь о походе на Половцев или Слово о полку Игоревом“». Он писал: «...нечестно значит здесь без успеха, без пользы, не получа себе от того никакой чести или славы».² Впоследствии и в наши дни такое понимание слова «нечестно» окончательно укоренилось в переводах «Слова о полку Игореве». И надо признать, что в данном случае Рихтер правильно раскрыл смысл этого высказывания Святослава, когда переводил: «Denn unglücklich ist nun euer Zug, und umsonst floss das Blut der Feinde euern Schwerdtern!», т. е. «Бесславным был ваш поход, и зря потекла кровь неприятельская по вашим мечам».

Ц. Годабский в стихах воспроизводит смысл этих строк по Рихтеру:

Coż nam, żeście strumieniem krew pohańczę leli,
Gdy stad żadnej korzyści ojczyzna nie dzieli?

т. е.

«Что нам с того, что вы кровь поганых ручьями пролили,
Если пользы отечеству вы тем не добыли?».

Даже некоторые ошибки в переводе свидетельствуют о том, что перевод был сделан по немецкому тексту Рихтера. Так, например, слово

¹ См.: Russische Miscellen, 1803, № 3, стр. 16.

² А. С. Шишков. Сочинения и переводы, изд. Российской Академиею, ч. I, кн. 8. СПб., 1805, стр. 148.

«серым волком» Гобебский переводит «*strasznyim wilkiem*», т. е. «страшным, ужасным волком». Это объясняется только графическим и фонетическим подобием слова «*grauem*» со словом «*grausamen*» («серый» и «страшный»). Если бы Гобебский переводил с русского языка, то он не стал бы менять эпитет «серый» на «страшный», «ужасный». Так, например, в лучшем польском переводе Ю. Тувима перевод звучит «*szarym wilkiem*». Итак, здесь сказалось невнимательное прочтение немецкого текста Ц. Гобебским. Такая же ошибка произошла и с переводом слов «а Игорь князь поскочи горнастаем к тростню и белым гоголем на воду». Совершенно неожиданно Гобебский перевел так: «*Jgor dopada do łodzi. . .*», т. е. «Игорь примчался к лодке. . .». Эта ошибка может быть объяснена только неудачным прочтением слова «*Schilfe*» — «тростник» как «*Schiffe*» — «лодка»: «*Jgor eilt wie ein wiesel zum Schilfe. . .*». Так как речь идет о реке, то Гобебский и не заметил своей ошибки. Однако, если бы во время перевода у него был какой-либо другой источник, например русское издание «Слова», то он ни в коем случае не мог бы слова «к тростню» (или «к тростнику») перевести как «до лодки».

Итак, пожалуй, больше не требуется доказательств, что источником перевода Гобебского был немецкий перевод Рихтера. Однако думается, что будет не лишним сопоставить написание имен собственных, а также имен с указанием городов, т. е. довершить анализ, проведенный Обрембской-Яблонской.

У Рихтера

Jgor Sweatoslawitsch, Wsewolod von Trubschew, Swaetoslaw Olgowitsch von Rülsk, Wladimir von Putjwl.

У Гобебского

Jgor Swetoslawowicz, Wsewoloda z Trubszewa, Swetoslaw Olgowicza z Rylska, Włodzimierz z Putywl.

Если бы Гобебский в своем переводе опирался на русский источник, то он писал бы «*Jgor Swiatoslawowicz*», «*Wsewoloda Trubczewskiego*», а уж во всяком случае не стал бы пользоваться предлогом «*z*» — нем. «*von*», который явился только следствием стремления Гобебского к точности перевода.

Нужно еще сказать, что ни Б. Выдра, ни М. Кридль, утверждающие, что Гобебский пользовался русским источником, не приводят никаких доказательств. Так, например, Б. Выдра считает, что сомнения Гобебского в достоверности памятника явились результатом споров в среде русских ученых того времени. Однако как раз до 1806 г., и, пожалуй, до момента гибели памятника, таких споров в русской печати не было. Так, например, Рихтер, живший тогда в Москве и интересовавшийся всем, что касалось «Слова», совершенно об этом не упоминает. Наоборот, утверждение Выдры скорее доказывает обращение Гобебского к статье Рихтера, помещенной в журнале «*Nordisches Archiv*» (Riga—Leipzig, 1803, ч. 1, Januar, Februar, März). На стр. 161 во вступлении к переводу отрывка «Слова о полку Игореве» Рихтер писал, что Шлёцер сомневался в подлинности «Слова», но уже признал его. Сомнения относительно «Слова» печатно высказывал единственно геттингенский ученый Шлёцер, и Гобебский об этом, повидимому, узнал из статьи Рихтера в «*Nordisches Archiv*». Не исключено также, что Гобебский узнал мнение Шлёцера в устной передаче, возможно даже из нескольких различных источников. Отсюда и элемент колебания в его суждениях о «Слове». Во всяком случае для нас вполне ясно, что источником перевода Гобебского был перевод Рихтера.